

18+

Валерий Казаков

ОСЕНЬ НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖД

Повесть

Валерий Казаков

**Осень несбывшихся
надежд. Повесть**

«Издательские решения»

Казаков В.

Осень несбывшихся надежд. Повесть / В. Казаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987220-3

Молодая женщина, попадая в круг тяжелых обстоятельств, ищет выход в любви, в переезде на новое место, где смогла бы забыться. Она самостоятельно пытается найти виновных в гибели её брата, сама старается отомстить обидчикам. И разочаровывается, когда у неё ничего не получается. Осень её надежд становится осенью разочарований.

ISBN 978-5-44-987220-3

© Казаков В.
© Издательские решения

Содержание

ОСЕНЬ НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖД	6
I	7
II	13
III	22
IV	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Осень несбывшихся надежд

Повесть

Валерий Казаков

© Валерий Казаков, 2020

ISBN 978-5-4498-7220-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОСЕНЬ НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖД

Эту рукопись передала мне одна хорошая знакомая, Анна Вагнер, попросила отредактировать текст и переслать его в какой-нибудь литературный журнал. Она уверяла, что описала в ней всю свою жизнь, которая должна заинтересовать читателей. Я с интересом прочитал рукопись, кое-что исправил, добавил мелких деталей в описаниях природы и решил предложить её на суд своим читателям. Что из этого получилось судить не мне.

I

Сейчас про нас говорят, что мы давно собирались уехать в Германию. Но это неправда. Моя мать ни слова не знает по-немецки, отец с трудом строит самые простые предложения на своем родном языке, но так сложились обстоятельства, что нам, вероятно, придется уехать. Здесь, на вятской земле, у нас останутся дедушка Фридрих и бабушка Марта. Если ничего дурного не случится, если не сменится власть и неожиданно не закроются границы, мы обязательно будем навещать их. Могилы бабушки и деда недалеко от Красновятска на маленьком ухоженном кладбище, которое густо заросло березами и тополями. Когда в Петров день мы приходили туда по-праздничному одетые, с цветами в руках – у меня на сердце всегда было грустно и светло. Могла ли я предположить, что уже совсем скоро там появится ещё одна могила.

Полгода назад у меня не стало брата. Его убили. И до сих пор никто не знает, как это произошло. Нашли его за городом в каком-то чахло перелеске со связанными руками и небольшой синеватой ранкой на спине чуть ниже левой лопатки. При нем остались его документы и деньги. Исчезли только ключи от машины и ещё какие-то бумаги, которыми он постоянно возил с собой, и которые чем-то отдаленно напоминали пожелтевшие от времени царские облигации с узорными гербами и печатями. Я видела их только однажды, но до конца так и не смогла понять, что это такое? Помню только, что все они были подписаны очень крупным росчерком пера, где четко читалось имя и фамилия «К. Венгеров».

Это случилось неожиданно, как раз в тот самый момент, когда я уже начала готовиться к свадьбе, а мой жених приходил к нам каждый день счастливый и взволнованный, как бы уже примеряющий на себя роль заботливого супруга. Помню, в первый момент после получения страшных известий, мы все растерялись. Мама громко заплакала, я со слезами на глазах стала её успокаивать, а отец с бледным измученным лицом неподвижно сидел на диване, молчал, но при этом острый подбородок у него как-то неестественно мелко подергивался. Он стал вдруг какой-то совершенно потерянный, сторбленный и немой. И так продолжалось довольно долго.

В тот вечер отец впервые вспомнил про дядю Рудольфа. Дядя Рудольф уехал из России в 1986 году и обосновался в Ольденбурге. Потом отец заговорил про свою сестру, которая потерялась во время войны на лесоповале где-то в Чернореченске. Ушла к реке и не вернулась, а её муж каким-то образом после войны оказался в Южной Саксонии, честно и много работал, потом купил там небольшое имение, и через несколько лет стал довольно состоятельным человеком.

Дядя Рудольф впервые написал нам в девяносто первом году. Я читала его письмо и видела, как мама плачет от счастья. Вероятно, она была довольна тем, что сейчас мы в этом мире не одни. Где-то очень далеко у нас есть близкие люди, которые думают о нас.

Потом мы с папой весь вечер писали ответ на это письмо. Не знаю уж, как это у меня получилось: в институте я изучала английский, а немецким занималась самостоятельно на факультативе, но дядя Рудольф вскоре написал нам ещё раз. В этом втором письме он уже пригласил нас всех в гости, обещал показать родину предков, что называется, во всем блеске от Одера до Дуная. Папа сразу же уцепился за это предложение и при любой размолвке с мамой стал повторять, что если она не перестанет его пилить – он завтра же соберет вещи и уедет в Германию или еще куда-нибудь к черту на кулички. Но всерьёз о возвращении на «Родину» он заговорил только после гибели Александра, и когда он впервые обронил это слово Родина, глаза у него били очень грустные, и растерянные, как будто он боялся чего-то. Мы ведь прекрасно понимали, что в далекой Германии нас ждет совершенно другая жизнь. Совсем не такая, к которой мы привыкли. Дядя Рудольф работал там обыкновенным ремонтником в каких-то заштатных железнодорожных мастерских, к тому же у него было четверо детей. Так что мы

могли рассчитывать только на собственные силы, которых у отца и матери было, понятное дело, уже немного. Правда бабушка Марта, когда была жива, вспоминала иногда, что в земле Баден – Вюртемберг есть прекрасное местечко возле Дуная, где в небольшой деревушке жили её богатые предки, у которых был большой каменный дом и много земли. Но мы о них ничего не знали. Живы ли они ещё или умерли? Ведь так много времени прошло.

В общем, чем ближе подходило время отъезда – тем всё чаще я думала о брате. Мне очень не хватало его именно сейчас. Я много раз пробовала представить, что же произошло с ним в тот роковой вечер, и не смогла выстроить до конца ни одной сколько-нибудь завершенной картины. Мне и сейчас вспоминаются только отдельные эпизоды из его короткой, стремительной, ускользающей жизни, – какие-то неожиданные реплики, жесты, лица его друзей. Но все это никак не складывается в целостную картину. Я понимаю, что всё это не то – неглавное, несущественное. Ведь до сих пор никто не знает, кому понадобилась его смерть? Кто спланировал и осуществил всё это? Поэтому лучше я начну издалека. С той минуты или с того дня, когда все мы вдруг почувствовали, что живем в другой стране, когда все мы оказались на распутье, перед выбором, скорее обремененные, а не обрадованные свалившейся с неба свободой. Это произошло зимой девяносто третьего... Я хорошо запомнила этот вечер. Особенно тот момент, когда брат сказал, весело блестя глазами:

– Да поймите вы, настало наше время! Кто не сколотит приличное состояние сейчас – тот не станет состоятельным человеком в будущем. Никогда.

– А мы никогда и не ставила перед собой такой цели, – с усмешкой призналась я, а мой отец недоуменно переспросил:

– О чем это ты?

Как будто это всё было не наше дело. В представлении отца сколотить капитал можно было только упорным трудом нескольких поколений за много лет. Так поступали все наши предки. Но брат между тем продолжил:

– Неужели вам неизвестно, что самые крупные барыши можно сорвать только при бешеной инфляции. Инфляция давно началась, сейчас важно не упустить время. Умные люди всегда делали деньги на развале государства, на вынужденной остановке производства, даже на войне. А сейчас как раз такое время. Значит, надо спешить.

Тогда я не придавала его словам большого значения. Мне казалось, что брат, только что закончивший ветеринарный институт, займется настоящей работой. Все мужчины в нашем роду, так или иначе, были связаны с землей, с производством, с техникой, а женщины занимались домашним хозяйством и рукоделием, но при этом отличались исключительным трудолюбием и целеустремленностью. Но брат поступил иначе. Он взял в коммерческом банке «Белка» кредит на несколько миллионов рублей и уехал в Москву за товаром.

Не было его дня три, в течение которых мы все украдкой вздыхали и поглядывали в окно на пустынную улицу занесенную снегом, а когда он приехал и выложил перед нами все свои новости вместе с покупками – мать только всплеснула руками.

– Да кто же это будет брать в стране, где девять месяцев холод?

В куче привезенного товара действительно не было ничего добротного и существенного. Только просвечивающие насквозь китайские блузки, несерьезный искусственный трикотаж и спортивные брюки.

Но брат убежденно ответил:

– Женщины. Это всё будут брать женщины.

– Ты считаешь их такими глупыми? – не поняла и обиделась за русских женщин мать.

– Нет, просто их прельщает всё дешевое и яркое, всё легкое и просвечивающее. Ведь все они мечтают быть изящными – вот и соблазняются.

Мать сокрушенно покачала головой и уверенно произнесла: «Глупости всё это. Надо делом заниматься».

Но, как это ни странно, мой брат оказался прав. Уже через несколько дней от цветных залежей его товара не осталось и следа. Основную часть этих непритязательных вещей Саша продал в окрестных селах, разъезжая по ним на старом отцовском «москвиче» с проржавевшим кузовом, кое-что сдал оптом в городские магазины, большая часть которых не так давно стала частными, кое-что сам продал на местном рынке. Вырученных денег ему хватило на два месяца. В торговом деле он быстро освоился и примерно через полгода имел в обороте уже миллионов десять или пятнадцать быстро дешевающих рублей. После этого о ветеринарии он уже не вспоминал, и вовсе не думал останавливаться на достигнутом. Неожиданно для всех стал совладельцем довольно приличного магазина в центре Красноярска, а ещё через какое-то время приобрел небольшую квартиру на окраине городка, где запущенные сады развалившегося дачного товарищества превратились в некое подобие городского парка. Вот тогда-то я и потеряла его из вида. Я редко бывала у него в гостях: всё почему-то не хватало времени. Зато в эти редкие встречи он рассказывал мне обо всем. Из его рассказов я поняла, что его давний роман с Соней Венгеровой продолжается, и в этом романе за последнее время не появилось ни одной интересной детали. Соня всё так же страдает от малокровия, у неё часто кружится голова, она всё так же бледна, апатична и красива какой-то лунной красотой, только не пишет уже грустных стихов про одиночество. Если честно сказать, я никогда не считала её ни очень умной, ни симпатичной, ни сколько-нибудь талантливой. Для меня необычная бледность её лица не представляла никакой тайны и не несла никаких скрытых чар. Она с детства казалась мне хилой и неуверенной в себе. Какой-то немного испуганной, что ли. Её дистрофично-острые плечи всегда вызывали у меня раздражение, а тихий грудной голос возбуждал инстинктивный протест. Так и хотелось сказать ей какую-нибудь грубость, чтобы поскорее оборвать её меланхоличный поток жалоб и сетований.

Со школьных лет она лънула к моему брату – живому, сильному, краснощекому – полной для неё противоположности, а он никак не мог от неё отделаться, во всем ей уступал, прослушивался к ее советам, смотрел на неё обожающими глазами. Она же всегда держала его у невидимой черты, как бы на неком расстоянии от себя.

Однажды, случайно, а может быть, и нет, я увидела их вдвоем в школьном парке. Они стояли за кустами сирени (он сгорбленно, она прямо) и было слышно, как что-то смачно посвистывает в узком пространстве между ними, где таинственно падает и поднимается её тонкая рука. Потом я пригляделась и увидела его красные руки, покорно подставленные под удары, а в её кулачке тоненький прутик. Она била его за что-то. Он терпеливо сносил удары.

Неожиданно полет её руки прекратился. Она посмотрела ему в глаза и почти ласково сказала:

– А сейчас ты можешь обнять меня. Ты заслужил. И поцеловать можешь, только один раз.

– Чему только один? – спросил брат.

– Большого ты не заслуживаешь, – со странной улыбкой ответила она.

В тот вечер я долго не могла успокоиться, мне хотелось выложить Саше всё, что я думаю о нем и о Соне. И когда он со мной вдруг попробовал заговорить, усевшись рядом на диване и положив свою теплую руку мне на плече, – я зло отбросила её, разгневанно встала и назвала его идиотом. Он покраснел и недоуменно насупился. Я же энергично ушла к себе, ничего ему не объяснив.

А ещё немного погодя, я решила, что брат ни в чем не виноват, просто у мужчин такая природа. Если они долго томятся в любовной скованности, принимая за счастье случайные поцелуи, то им необходимо разрядиться. А это каждый делает по-своему. Кому-то помогает вино, кому-то тяжелая работа или спорт, а Саша не нашел ничего лучше, как сносить унижения.

Правда с Соней после этого случая я вообще перестала разговаривать. Я старалась не замечать её плоскую грудь, ее худую как палка фигуру с длинной и тонкой шеей, с воло-

сами цвета ржаной соломы, которые никогда не веют даже на ветру, а лежат неподвижно, хотя кажутся легкими. Я старалась не смотреть в её глаза без искорки, но и без глубокой печали. На её выпуклый бледный лоб. И вообще, какая нормальная девушка в шестнадцать лет может написать вот такие стихи.

*Не королева, просто женщина,
Брожу по городу одна,
Особой тайною увенчана,
В особый мир погружена.*

*И все, что лишь меня касается
Я никому не передам.
Я чувствую себя красавицей,
Которую любил Адам.*

*Я чувствую себя сообщницей
Всех погруженных в полутьму.
Моя душа – её высочество,
Подвластна Богу одному.*

У меня появилась мечта, познакомить брата с обыкновенной сентиментальной и доверчивой девчонкой, одной из тех, которые могут одарить поцелуем или пощечиной, но от чистого сердца. Одной из тех, которые не то чтобы уж очень некрасивы, но и красивыми не назовешь. И девчонка такая нашлась. Это была Маша Самарцева. Полногрудая, веселая, краснощекая пышка. Только брат ни за что не хотел обращать на неё внимание. Наоборот, он стал уходить на свидание с Соней часов в шесть вечера, а возвращался только после полуночи. Чем они занимались длинными зимними вечерами, я, конечно, не знаю, зато могу представить, сколько ещё унижений пришлось ему перенести. В общем, когда я вернулась после учебы домой и узнала, что он всё ещё не порвал с этой недотрогой, мне сделалось дурно. На мой взгляд, с годами Соня становилась всё более блеклой. Она как бы выцветала что ли, с красивыми русскими женщинами это бывает, вначале они как теплое парное молоко, а потом в лучшем случае – простокваша.

Саша был в это время на практике где-то в Вологодской области, обещался скоро приехать, но не приезжал, и я решила действовать. Я просто пришла к Соне в гости. Пусть попробует не примет сестру своего самого близкого человека. Кажется, так называют возлюбленных в любовных романах.

Соня оказалась дома, на кухне. Помню, меня удивило то, что Соня сама что-то готовит. Но она, действительно, готовила, и то, что она готовила, довольно привлекательно пахло. Она стояла возле плиты, на которой что-то жарилось, шипело и потрескивало. И ещё в тот раз меня поразила её мать – моложавая блондинка с пышными волосами, которая неожиданно выглянула из боковой двери, поздоровалась, посоветовала дочери долить куда-то масла и снова исчезла. Тогда я ещё не знала, что с этой женщиной свяжется так много странных обстоятельств жизни всего семейства Вагнеров, даже не успела её как следует рассмотреть. Мне только показалось, что она, пожалуй, слишком молода, чтобы быть для Сони матерью. Вот и всё.

Потом мы с Соней беседовали обо всем на свете. Я попробовала сыграть для неё роль подруги, что, по правде сказать, давалась мне с трудом. В какой-то момент Соня доверилась мне, принесла и показала свой новый костюм из мокрого шелка, модную заколку бабочкой с золоченым брюшком, маленькие часики на серебряной цепочке, которые подарил ей мой брат. Она весело щебетала возле меня, суежилась, старалась понравиться, а я всё никак не могла

дождаться подходящего момента, чтобы спросить о главном. О том, есть ли у них какие-то планы на будущее? Что об этом говорит Саша? Что думает она? И когда, наконец, улучила такой момент – спросила, то услышала довольно странный ответ. Соня сказала:

– Я не принесу Саше счастья, мы слишком разные.

После этого она посмотрела на меня скорбными, одухотворенными глазами и продолжила:

– Он всё время куда-то спешит, чего-то добивается, видит цель. А я как будто не поспеваю за ним. Такое у меня ощущение. Он видит свет, а я плыву в тумане и ничего вокруг не замечаю.

– Вот именно, – холодно подтвердила я её догадки, и это, видимо, задело Соню за живое.

Губы у неё вытянулись, лицо побледнело, и она с гордым упрямством повторила:

– Но я люблю его, я его люблю. Но... сама решу, как мне быть.

– Вам лучше расстаться, – посоветовала я, – вы ведь разные люди. Вряд ли вы будете счастливы вместе.

– А это... я сама решу, – повторила она ещё раз тем же тоном и посмотрела на меня исподлобья, как обиженный ребенок. – Он мне писал, что скоро приедет.

– Дай – то Бог. Мне кажется, вам пора поговорить серьёзно.

– А мы не ссорились, – смущенно ответила Соня. – Нам хорошо вдвоем.

В это время на кухню снова заглянула Сонина мать. Она была в очень длинном темно-синем халате с поясом, стройная и строгая, похожая на провинциальную актрису, к которой, наконец, пришла долгожданная слава. Она уперла руки в бока, выставила одну ногу вперед, так что батистовые складки халата эффектно прошлились от колена к стопе, и заговорила уверенным, можно сказать, властным тоном:

– А это, милочка, не ваше дело – советы Соне давать. У неё своя голова на плечах. Пусть решает.

– Я ничего не имею против, – растерянно ответила я, поняв, что она слышала весь наш разговор. Потом Сонина мама слегка наклонила голову вперед, глядя мне прямо в глаза, и спросила:

– Вы ему, извиняюсь, кто будете?

– Это Сашина сестра, мама, это его, – испуганно залепетала Соня.

– Сестра. Ну, так вот, пусть и ведет себя как сестра, уважающая брата. А не как, знаете ли...

– Мама! – попробовала остановить её Соня.

– Что мама! Разлучать влюбленных грешно. В таких делах только один советчик – сердце.

Неужели непонятно...

В тот вечер я вернулась от Венгеровых расстроенная, взяла с полки свой любимый роман «Унесенные ветром» и, не отрываясь, читала его до полуночи, в который уже раз. И во время чтения вдруг поймала себя на мысли, что Соня очень похожа на Мелани, только я явно не Скарлетт, и нет у меня, никогда не было, настоящего Эшли.

На этот раз, когда домой приехал брат, мне нечего было ему сказать. Скорее всего, за меня ему обо всем доложила Соня, или её мать. Хотя, если разобраться, я ему хотела добра, только добра. И у меня были все основания волноваться за него... Так было на четвертом курсе и на пятом, до самого окончания института. Они, кажется, жить друг без друга не могли. А я все переживала за них, хотя порой отчетливо понимала, что это не мое дело.

Как раз в это время местная газета опубликовала одно из её стихотворений, Начиналось оно так:

*Зря надеяться не смею,
Обольщать тебя не в праве.
Это всё, что я имею —*

Образ в розовой оправе.

*У любви не ясны чувства,
Запах, голос, тень улыбки.
Это сложное искусство —
Понимать свои ошибки.*

*Принимать свои просчеты,
Что могли не совершиться,
Черных ласточек полеты
В даль, которая струится,*

*Над поляной мхом заросшей,
В день, который не продлится,
Просто станет нашим прошлым,
Улетающею птицей.*

Я прочитала его с интересом, но толком не поняла. О чем оно? Для чего? Мне подумалось, что Соня проще этих стихов. Да в ней есть какая-то странная отстраненность от всего житейского, какое-то сокровенное одиночество души, но этого мало для настоящей поэзии. В настоящей поэзии сквозит драма.

Я в это время не страдала от одиночества. У меня было всё по-другому. Моя первая любовь, Вадим, был обыкновенным молодым человеком из хорошей семьи. Ничем особенным он не выделялся. Гуляя с Вадимом по вечерам, я часто видела брата. Иногда, влекомая любопытством, я старалась идти за Соней и Сашей, не выпуская их из вида. И Вадим никогда не противился этому. Соня и Саша часто прогуливались по Набережной или стояли на деревянном мосту через небольшую речку, которая делит наш городок на две части. В теплые летние вечера Соня надевала светлые платья, безукоризненно сшитые и хорошо проглаженные. Свою тонкую талию она перетягивала коричневым ремешком из искусственной кожи, а в волосах, на самой макушке, пристраивала тёмный бант с блестками, как новогодние конфетти. Русые волосы, тёмный бант и маленькая серебряная серьга в ухе, делали её профиль романтичным. Другое дело, какая это была романтичность, о чем она говорила: обдавала она холодом или бросала в жар. Иногда мне кажется, что если бы Соня так умело не подкрашивала губы перед свиданием, если бы она не умела как следует взбить воздушные пряди волос, если бы она не была каждый раз так изящно и по-новому одета, то она никому не смогла бы понравиться. Тем более моему брату. Сейчас я понимаю, что вот это отчетливое сочетание в ней холодного и яркого, бледного и блестящего, белого и тёмного – оно и погубило брата. Ибо умение обольщать у русских женщин какое-то особенное, вовсе не связанное ни с физическим, ни с душевным здоровьем. Оно как бы не в силу, а вопреки. Наперекор всему.

II

После Сашиной смерти в ходе томительно длинного следствия по его делу, которое вел капитан Басов, я часто вспоминала тех людей, с которыми он близко сошелся в последнее время, и ловила себя на мысли, что каждого из них, в той или иной степени, начинаю подозревать. Нет, я не обладаю какими-то исключительными психологическими способностями, не ощущаю в себе ни провидческого, ни пророческого дара, просто я люблю вязать, у меня хорошая зрительная память. А жизненный узор мне всегда казался самым интересным. Я всегда старалась понять и распутать его.

Естественно, в первую очередь я вспомнила о супругах Барсовых. Однажды я видела, как муж этой начинающей бизнес-леди, тяжеловесный верзила с волосатыми ручищами, держал моего брата за грудки и что-то громко ему объяснял со свирепым видом. Потом отшвырнул от машины, возле которой произошла ссора, сел в неё и уехал. А брат ещё долго стоял возле своего магазина с огромной красочной вывеской по засаду «Белояр», и в его фигуре было что-то жалкое. О чем они тогда говорили, для меня навсегда осталось тайной.

Барсовы в прошлом были ничем не примечательные люди. Он инженер, она бухгалтер. И вдруг, неожиданно для всех, года три назад на местном аукционе, устроенном как всегда в здании городской администрации, они приобрели за 30 миллионов рублей здание нового «Дома быта». У многих в городе тут же возник вопрос, откуда у Барсовых такие огромные деньги? Ни он, ни она коммерцией до этого не занимались, не увлекались разведением пчел, не имели даже приличной машины.

Вскоре Барсовы наладили деловые контакты с какой-то южно-корейской фирмой, набрали крупных кредитов в местном коммерческом банке и стали шить капроновые куртки «на рыбьем меху». Открыли свой магазин, который, по правде говоря, не выделялся обилием товаров, зато располагался близко к центру города и имел по фасаду узорную кладку из красного кирпича в виде елочек. Усилиями оборотистых супругов дом бытовых услуг был переоборудован под швейные цеха, в нем появился шикарный кабинет директора, отделанный изнутри красным деревом и украшенный многочисленными зеркалами. Барсовы наняли два десятка рабочих, инженера, бухгалтера, закройщика. И работа, что называется, закипела. Вот только за эту работу первое время они расплачивались в основном авансами, не забывая при этом напомнить, что предприятие у них частное и потому основной расчет будет в конце года, когда станет ясно, какую прибыль они получили... Но в конце года неожиданно супруги Барсовы производство закрыли, отправили рабочих в бессрочные отпуска, а сами укатили в Москву искать управу на местную власть, которая будто бы душит их непосильными налогами.

Потом в районной газете появилась небольшая статья, подписанная Марией Барсовой, где она объясняла причину временного закрытия своего предприятия тем, что с рубля, вложенного в производство, ей пока что, приходится платить полтора рубля налоговых отчислений. Так что заниматься производством в данный момент попросту нерентабельно, нерезорительно.

По городу пополз слух, что супруги Барсовы задолжали местному банку два миллиарда рублей, что теперь они безвыездно находятся в Москве, а их финансовые дела в Красноярске ведут два московских адвоката, которые уже подали на здешнюю администрацию в суд за чрезмерное завышение ставки налогов и неправильную оценку стоимости основных фондов.

Их магазин на улице Герцена вскоре закрылся, а бывшие рабочие превратились в безработных. Потом в здании бывшего «Дома быта» произошло два подозрительных загорания. В первом случае выгорела часть проводки, а во втором склад готовой продукции превратился в золу, но при этом кирпичное здание сильно не пострадало, хотя и потеряло прежний вид. После этих странных пожаров мой брат каждый раз удрученно качал головой и повторял:

– Это всё очень скверно! Перспективы развития производства в современной России ужасны. Если так и дальше пойдет, то будет катастрофа.

Я старалась уточнить, что он имеет в виду. Но Саша мне ничего не объяснял, говорил, что я сама должна во всем разобраться. Это же так просто – проанализировать затраты и прибыль. Только однажды, когда он получил очередное письмо из Москвы и снова заговорил о Марии Барсовой, я не выдержала и спросила:

– Что тебя с ними связывает?

– Да ничего, – неуверенно ответил он, – сейчас совсем ничего не связывает.

– А раньше?

– Были общие проблемы.

– Какие? – полушуливым тоном поинтересовалась я.

– Ну, ты, надеюсь, понимаешь, – начал он, – что Барсовы – это подставные фигуры.

С самого начала они ничем здесь не владели, они выполняли чужую волю.

– Я предполагала.

– Ну вот. У них в Москве есть какой-то влиятельный человек. Их дальний родственник, что ли. Все идет через него: и деньги, и товары.

– Ну и что?

– Так вот этот родственник в Москве, скорее всего, на чем-то прокололся. Ему срочно потребовались деньги.

– И поэтому у Барсовых остановилось производство? – догадалась я.

– Конечно. И налоги здесь ни при чем. Это всё ясно, как божий день.

– Ты узнал об этом и рассказал кому-то? Поэтому Барсов взяли тебя в оборот?

– Нет, – уклончиво начал он, отводя глаза в сторону. – Мы живем в маленьком городке. Здесь каждый бизнесмен связан с другим. Без этого развиваться невозможно. Производство зависит от сбыта, сбыт – от наличия денег у населения. А деньги надо где-то заработать.

– Ну и...

– Как-нибудь в следующий раз, – замылся Саша. – Это неинтересно. Повторять аксиомы, о которых писал ещё Карл Маркс.

Может быть, он не хотел рассказывать о том случае, где явно был неправ. В детстве с ним часто бывало такое. Он скрывал свои ошибки, не умел и не желал чувствовать себя виноватым. Ему обязательно нужно было оправдаться перед старшими или загладить вину, высказать свое возмущение или расплакаться от обиды, ища сочувствия. Единственное, чего в нем не было никогда, так это немого затворничества, которое так свойственно мне в минуты отчаянья. А таких минут сейчас у меня хоть отбавляй, особенно по вечерам, когда я пытаюсь ответить на множество вопросов, которые поставила передо мной современная жизнь.

Второй человек, которого я стала подозревать в причастности к Сашиной смерти – это Мирон Зорин. В последние дни перед гибелью брата, Мирон часто заезжал за Сашей на своей машине. Несколько раз по утрам я видела перед Сашиным домом его «Волгу». И, когда брат с помятым лицом появлялся возле этой машины, то Мирон почему-то не выходил из неё, чтобы поздороваться, как это делал раньше, а только слегка приподнимал руку изображая приветствие. Вообще, он вел себя как-то странно, как будто мой брат сейчас от него зависит.

С Мироном Зориным брат дружил давно. С тех самых пор, как Мирон устроил в Красноярске первый митинг в поддержку будущего президента Ельцина, как раз накануне выборов в девяносто шестом. Тогда они вместе развешивали плакаты на улицах города, выступали в местном Доме культуры с призывными речами, агитировали на площадях. Предвыборная программа Бориса Ельцина казалась моему брату самой простой и самой содержательной одновременно, а сам кандидат представлялся человеком целеустремленным, неуступчивым и решительным. Собрания демократов – реформаторов благодаря усилиям Мирона сделались людными, на них стала появляться молодежь, откуда-то приезжали певцы и музыканты. После

каждого такого собрания стали устраиваться богатые фуршеты и танцы. Это понравилось незамужним женщинам. В скором времени ветреных женщин на пропагандистских собраниях социал-демократов стало большинство. Нарядная толпа женщин послужила приманкой для мужчин. В общем, через какое-то время мне показалось, что я должна туда заглянуть хотя бы однажды. Меня заинтересовал Мирон Зорин.

Он был человек, который постоянно о чем-то говорит, что-то кому-то доказывает, объясняет. Он не знает, что такое минута задумчивости. Когда его слушаешь – может показаться, что он прекрасно разбирается в людях, интуитивно чувствует правду, легко находит в шелухе случайностей рациональное зерно. Пожалуй, я бы слукавила, если бы сказала, что этому человеку я полностью доверяю.

Признаюсь честно, форма ведения собраний у социал-демократов мне понравилась. Вернее она не утомляла. На этих собраниях никто не призывал разношерстную публику вести себя потише, никто не требовал внимания к себе, не взывал к совести, не обещал невозможного. Просто каждый выступающий говорил то, что думал, и это было важнее всего. А, самое главное, это было интересно.

Как я уже говорила, после каждого такого собрания активистами социал-демократического движения устраивался небольшой банкет. Всем присутствующим раздавались пластмассовые стаканчики с сухим вином и крохотные бутерброды. С опустошенным на половину стаканом, приятно было постоять среди своих друзей, ведя разговор на какую-нибудь отвлеченную тему, а при желании наполнить его вновь, только уже за свой счет. Многие именно так и делали, причем довольно часто, но пьяных почему-то не было видно. Бросалось в глаза, что обыкновенные люди в культурном обществе старались и вести себя соответственно. Никто не прибегал к русскому «эсперанто», никто не говорил пошлостей, все старались быть учтивыми и предупредительными, что для людей в глубокой провинции весьма нехарактерно.

Много раз в течение вечера ко мне подходил брат и с улыбкой на лице спрашивал: «Ну, как тебе тут? Нравится?» «Нравится», – честно отвечала я.

На одном из таких собраний я познакомилась со своим будущим женихом Генрихом Гуревичем. Чем он меня покорила, сейчас я сказать не могу, но я сразу отметила в нем особого рода достоинство, то достоинство, которого не было у Вадима. К тому же он был прекрасно одет, чисто выбрит, надушен каким-то незнакомым мне, но приятным одеколоном. На нем был светло-серый костюм, отливающий на сгибах синевой, белая рубашка, напоминающая новогодний снег и широкий галстук с расплывчато-зелеными полосками наискосок. Он просто и раскованно держался среди женщин, заинтересованно разговаривал с мужчинами, проявляя свое расположение не улыбкой, а только характерными (после тридцати) морщинками возле глаз, которые эту улыбку как бы подразумевали. Со стороны могло показаться, что он всё время улыбается. На самом же деле он просто чувствовал свободно.

К Генриху меня подвел мой брат. Вернее мы подошли вместе. Саша что-то хотел узнать у него и заодно решил познакомить меня с интересным человеком.

Мать Генриха была из поволжских немцев, и это обстоятельство, конечно, сыграло свою роль. Саше всегда хотелось, чтобы у нас в семье не так резко, как у других наших знакомых проявлялось смешение кровей. До этого я проводила время с Вадимом Соколовым, и брат на наши с Вадимом отношения смотрел без особой симпатии. Вадим был красив, добродушен, мил и покладист, но ему не хватало образованности. Он закончил какой-то лесной техникум в Пищалье, работал в местном лесхозе инженером лесопатологом и считал, что этого вполне достаточно для спокойной жизни в вятской глуши. Он предпочитал довольствоваться малым, лишь бы не суетиться, не беспокоиться, и не быть обузой для других. Иногда мне казалось, что за свою томительно длинную молодость, которую он всегда вспоминал с улыбкой, Вадим не успел прочесть ни одной книги. Он путешествовал, рыбачил, ходил на охоту, попадал в различные, иногда довольно занимательные истории – вот и всё. Даже нынешние свои знания

о внешнем мире он черпал, кажется, исключительно из газет и телепередач. В общем, после знакомства с Генрихом, после того, как мне стало ясно, что это не просто очередное увлечение, с Вадимом я решила порвать.

Но как это часто бывает в пору первой любви, размолвка наша затянулась. Я и сейчас не знаю толком, правильно ли я поступила тогда. Не покарает ли меня за это Бог. Ведь бедный Вадим в своих чувствах ко мне был так искренен, так доверчив. Он, по-видимому, надеялся на длительные и серьёзные отношения, строил планы. Когда я попыталась объяснить ему, что неожиданно полюбила другого, он едва не поколотил меня от отчаянья. Он и тут был искренен до конца. И в таком положении всё-таки попытался меня понять, а позднее и простить. Очень просил еще раз подумать, до конца разобраться со своими чувствами и не рубить с плеча.

Это произошло в самом начале лета, мы стояли на лунной ночной улице и плакали. Нам казалось, что мы расстаемся навсегда. Улица, где он жил была какая-то слишком узкая и длинная, кончавшаяся оврагом, а другом своим концом выходила на пустырь перед недостроенным зданием школы, где весной пышно цвели низкорослые сирени. Когда я проходила мимо этих сиреней в конце мая после дождя, и они вдруг неожиданно вспыхивали, освещенные в прореху между туч косыми лучами, меня всегда охватывал какой-то детский восторг. Я зачарованно останавливалась и смотрела то на тёмное небо в бахроме туч, то на золотисто-желтые кусты сирени. Сердце мое начинало радостно биться, мне казалось, что где-то рядом, по всем приметам, могла бы быть помещичья усадьба, наподобие тех, которые любил описывать в своих рассказах Иван Бунин. Там в глубине сада мог бы возвышаться белый каменный дом, до половины увитый цветущим плющом. В этой усадьбе мог бы жить какой-нибудь отставной капитан с тёмными усами – любитель орловских рысаков.

С цветущими сиренями были связаны мои воспоминания о первых поцелуях с Вадимом, о первых бессвязно-ласковых словах, дополненных несмелыми объятиями.

Но прошло время, и вот я уже решила выбрать между мечтой и реальностью, между фантазией любви и метафизикой жизни, как сказал бы какой-нибудь средневековый философ – моралист.

Первый вечер с Генрихом был для меня мучительным. И не потому, что мне вдруг стало скучно с ним, нет. Просто я испытала острое желание уединиться. Генрих же упорно не желал меня понимать. Он, в отличие от Вадима, не искал уединения. Наоборот – старался всегда быть на виду. Его ничто не стесняло, никто не интересовал и не привлекал кроме меня. Хорошо, хоть в конце вечера мы немного посидели в небольшом уютном скверике за церковью, где было непривычно тихо и влажно. Где можно было говорить вполголоса, смотреть друг на друга и выразительно молчать.

На следующий день повторилось то же самое, и на третий, и на четвертый. И тут я почувствовала вдруг, что с Генрихом мне не совсем комфортно. Я всё время ожидала от Генриха чего-то особенного – некой разновидности открытия, позволяющей пренебречь приличием. А он оставался таким, как все. Открытия не получалось. Он много говорил, он был порой остроумен, с его языка то и дело срывались сочные метафоры, точные сравнения. Он пытался меня развеселить, и порой ему это удавалось. Но мне всё равно было грустно. Я почувствовала, что начинаю заболеть этой чисто русской болезнью – грустить ни с того ни с сего, потому что уже привыкла к бессмыслице сельской жизни, к простому, а точнее, поверхностному взгляду на сложные для понимания проблемы. Скорее всего, причислить меня к натурам чрезмерно чувствительным было нельзя, я считала себя холодной и рассудительной, без особого восторга воспринимающей чисто философские пассажи. Хотя гедонисткой я в то время не тоже была. Я привыкла стойко сносить все тяготы судьбы и из многих мучительных ситуаций выходила с честью только потому, что умела терпеть, была выносливой как лошадь и этим гордилась. Но слушательница из меня была плохая, неблагодарная.

Так произошло, когда я потеряла брата. Я остро почувствовала это. Я изменилась, причем как-то очень глубоко и непоправимо. Многим женщинам, я думаю, знакомо это чувство – чувство растерянности после беды. Я тоже испытала нечто подобное. Я знала причины этой перемены, но не могла их объяснить.

Однажды, проходя мимо дома Венгеровых в вечерней полутьме, мы с Генрихом увидели на далеком, едва освещенном крыльце, влюблённую пару. Брата, конечно, я узнала сразу, но Соня на этот раз показалась мне какой-то другой, не такой как прежде. Волосы у неё не спадали до плеч, как обычно, а фигурной копной были взбиты вверх. Платье было короткое, без пояса. Соня стояла к нам задом, уткнувшись лицом в Сашину грудь и преданно обхватив его шею руками. Издали мне показалось, что у неё не такие уж узкие бедра. Вообще, она не замухрышка, а скорее соблазнительная женщина.

– Целуются, – вдруг сказал Генрих. И мне показалось, что они пошевелились. Заметили нас.

– Вижу, – ответила я шепотом.

– А Софья издали выглядит – ничего. Много лучше чем днем. – Генрих немного помолчал и добавил: – Днем она Блоковская незнакомка, а ночью – Дама с камелиями.

– Странно, – едва слышно ответила я. И мы поспешили удалиться прочь. Я от стеснения – быстро, он – подчеркнуто медленно. Я – озадаченно и отрешенно, он – с обычной своей улыбкой, как будто ничего значительного не произошло. А может быть и правда не случилось ничего, просто раньше я слишком много внимания уделяла своим предчувствиям.

Генрих нашел, что я выгляжу удрученной и решил рассказать мне анекдот.

– Рассказывай, – согласилась я.

– О влюбленных.

– Я слушаю.

– Так вот, приходит на прием к врачу один мужчина и говорит: «Доктор я так волнуюсь, так волнуюсь». «Почему», – спрашивает доктор. «Мне изменяет жена, я это точно знаю, – объясняет мужчина, – а рога у меня почему-то не растут»? Доктор посмотрел на него удивленно и говорит: «А они и не должны расти, это, знаете ли, образное выражение такое». Мужчина облегченно вздохнул и ответил: «Спасибо доктор. Вы меня успокоили, а то я уже начал волноваться, – может кальция в организме не хватает». Генрих после этого рассмеялся, а мне почему-то было не смешно. Я шла и думала о своем.

Вечер был тихий, тёплый, какой-то парной. В школьном парке, на бугре, кричали грачи. Алая полоска заката всё ещё теплилась на западе и тени домов были дымчато-сизые, а заборы белесые и плотные как стена. Сквозь силуэты кленов на улице виделся край речного затона, мост над речкой, купола коричневатых тополей на фоне неба. И на ум почему-то пришли странные строчки стихов, когда-то мной прочитанные и всплывшие в памяти невзначай.

*В камышах, как в ушах,
Засвистел коростель,
И запела душа,
Позабыв про постель...*

А на следующий день я узнала, что Сони в городе нет. Она три дня назад уехала к бабушке в небольшую лесную деревушку под названием Максанка. Максанка находилась примерно в тридцати километрах от города, на высоком песчаном холме, заросшем редкими золотисто – охряными соснами. Там всегда жали только лесники, пасечники и охотники. Я там была всего один раз в раннем детстве и хорошо запомнила, как сладко ступать босыми пятками по теплему и пушистому лесному песку. Какие там прекрасные сады, как много везде ярко-желтого сухого солнца.

В тот день я не могла дождаться вечера. У себя на работе, в редакции местной газеты под революционным названием «Искра», где я заведовала отделом писем, я находилась мало. Ходила на собрание акционеров ликероводочного завода, потом в центральную библиотеку на встречу с ветеранами войны, потом в местный статистический центр и бюро технической инвентаризации. Что называется, собирала материал для будущей статьи.

Вечером я исчезла из дома, хотя Генрих в тот день и так не собирался меня беспокоить. Сидела на берегу Вятки возле пристани, слушала как в низине, ближе к Дергачевской старице, поют соловьи в зарослях ивы, мутно чернеющих над кромкой воды. Дождалась, когда по реке мимо меня пройдет теплоход, блестя многочисленными огнями, когда скроется за поворотом быстроходное приземистое судно с романтическим названием «Заря».

Сзади меня по дороге шли люди. Многие на ходу говорили. Я заметила, что старики говорят громко, о чем-нибудь простом, молодежь же – быстро и полупшепотом, как бы о чем-то тайном. Иногда то спереди то сзади пешеходов пробегали разношерстные собаки, резко останавливались и возвращались по ломанной линии обратно, чтобы обнюхать заинтересовавшее их место или предмет. Люди и собаки спешили по своим делам, никто подолгу не задерживался на берегу, никто не растрчивал время впустую как я. Только в половине восьмого, откуда-то из густых кленовых зарослей на обочине дороги вдруг появилась совершенно седая старуха и направилась короткими шажками напрямик ко мне. Она была во всем тёмном. Бледная, худая, с хрящеватым, хищно заостренным носом и бесцветными водянистыми глазами. Старуха произвела на меня впечатление отталкивающее. Мне захотелось поскорее встать и уйти, но что-то удержало меня: какая-то потребность узнать ещё одну тайну. Или сработал чисто журналистский авантюризм.

Старуха подошла, села на край моей скамейки, облегченно охнула и, даже не посмотрев в мою сторону, хрипловатым голосам заговорила:

– Ох, и хлебнешь ты горя, девка!

Я вздрогнула и удивленно посмотрела на неё. Всё лицо в мелких морщинках, синеватые губы, какой-то жалкий пушек вместо бровей. – Я ведь тоже когда-то молодая была, – продолжила она, – тоже куда-то рвалась, спешила всё испытать. Душа-то, вон, до сих пор еще не состарилась. А тело не слушается уже. Как говорится, живем – торопимся, едим – давимся. Мы всё хотим знать, всё изведать, а жизнь-то одна... Всё узнаешь, и тогда это знание погубит тебя. Пригубишь его – и пропал.

Я хотела спросить у старухи, почему эти слова она решила сказать именно мне, и что, собственно, я должна понять, чтобы не хлебнуть горя? Но старуха неожиданно поднялась со своего места и пошла прочь. Потом обернулась и спросила:

– Какое сегодня число?

– Десятое, – ответила я.

– Десятое, десятое, десятое, – стала повторять старуха, удаляясь, – десятое уже. Вот те на, вот те на, вот те...

Дошла до кленовых зарослей и скрылась под их кронами, как под зелёной аркой. Тёмная на тёмном фоне – растворилась, исчезла, как будто и не было её.

Уже в темноте, направляясь к дому Саши, я прошла мимо этих кленов с опаской. Большие узорные листья сухо шелестели на ветру, внизу темнела высокая крапива, изредка пошевеливая крупными листьями. Среди этих темных листьев непривычно светились два огонька, похожие на глаза старухи. Неприятное место, решила я.

У дома Венгеровых было пусто, ни в одном из окон не горел свет. Пусто было и в школьном парке, где протяжно каркали вороны, пусто было в больничном саду, в длинной аллее лиственниц перед школой.

Но вот возле Сашиного дома, в гуще отцветающих акаций мелькнуло что-то. Какая-то осторожная тень. От неожиданности я замерла на несколько секунд. Кто это? Я присмотре-

лась... и увидела Сашу с Соней, быстро продвигающихся по узенькой тропинке, заштрихованной густыми линиями кустов. Слышны были их голоса, видны знакомые силуэты. Я снова отметила для себя слишком открытое платье на Соне, какую-то несвойственную ей округлость форм. Она шла, обнимая Сашу за талию и размашисто виляя задом, чего я раньше за ней не замечала. Они зашли в подъезд, там скрипнула дверь, и шаги смолкли. Потом в подъезде что-то гулко прокатилось по полу из угла в угол, и вслед за этим послышался приглушенный Сашин смешок.

Сейчас они расстанутся, решила я, и Соня пройдет мимо меня обратно. Тогда я её, как следует, рассмотрю. Но надежды мои были напрасными. Ни через минуту, ни через пять минут, ни через полчаса Соня так и не появилась. В первый момент это меня огорчило. Всё произошло как-то слишком просто и неожиданно. И всё же, возвращаясь домой, я желала им счастья. Кто знает, может быть, это как раз то, что Саше сейчас нужно. И у меня не было сочувствия к той бледной и болезненной девочке с черным бантом, которая исчезла из моей памяти навсегда, став обыкновенной женщиной. В памяти остались её странные, но музыкальные стихи.

*Мне никого не нужно, кроме вас,
Я маленькая, тонкая как скрипка.
Но талия моя, увы, не гибка,
И голос ваш звучи как контрабас.*

*Влюбиться я не смею, но когда
Вы в три струны рождаете признание —
Во мне скрипит и рвется подсознание,
Как рвутся на морозе провода.*

*Пусть я упряма, как скрипичный ключ,
Пусть я беру одни и те же ноты.
Мне музыку любви играет ночь,
Создав на лаке призрак позолоты.*

Утром я позвонила брату из своего просторного кабинета в редакции. День, помнится, был пасмурный, без оттенков и бликов, солнце едва угадывалось за маревом облаков. Я видимо не выспалась – у меня с утра на душе было какое-то скверное предчувствие, кажется, ничем не спровоцированное. Брат взял трубку, но ответил не сразу. Я воспользовалась этой паузой.

– Привет, Саша! Как жизнь? – пытаюсь казаться веселой и раскованной, начала я.

– Прекрасно, – ответил он.

– Чем занимаешься?

– Так разной ерундой. Вчера из банка позвонили, просили зайти. Вот готовлюсь...

А у тебя ко мне дело какое-нибудь?

– Да.

– Говори.

После этого я на какое-то время замялась, пытаюсь решить, как лучше сформулировать мой вопрос. Потом спросила:

– А Соня? Вы с ней встречаетесь ещё?

– Соня в деревне, – не раздумывая, ответил он, – у бабушки... И вообще, это не твое дело.

– Как?

– Так, – ответил брат и положил трубку.

Признаюсь честно, я с детства терпеть не могу разного рода неопределённости, тем более в отношениях между близкими людьми. Ну что, скажите, за тайны могут быть в любви, которая

тянется без изменений с самого детства. Что тут скрывать? Да, мой брат красив, я ревную его к слабым истеричным женщинам. Но в этом нет ничего странного. Я люблю его как сестра, я переживаю за него. Я хочу знать, что с ним происходит. Он мой брат.

В начале июля Саша и Мирон уехали в Москву на широко разрекламированную и по всем признакам, очень важную встречу с главными финансистами России. Саша незадолго до этого уверял, что в банковском деле вновь наметились какие-то перемены. Правда, неизвестно в какую сторону. Я осталась в городе одна. Вадим мне не звонил, Генрих не приходил до конца недели. Откровенно говоря, это было самое приятное время в моей жизни. Я снова много читала. Сначала увлеклась Юрием Трифоновым, его романом «Время и место», потом Джеймсом Джойсом и его романом «Улисс», потом перекинулась на Марселя Пруста, потом на Викторию Токареву. Плутать в литературных дебрях мне нравилось всегда, особенно там, где у писателя чувствуется цепкий взгляд на вещи и смелое перо, умеющее оголить скрытый срам чувственности до ощущения соблазна. Иногда такое чтение продолжалось до глубокой ночи, а в редких случаях, когда я чувствовала происходящее не только душой, но и телом – то до утра.

Потом приехал из Москвы Мирон и тут же взял в аренду у местного колхоза 120 гектаров земли где-то вблизи Сибирского тракта. У него видимо был расчет на то, что в недалеком будущем там можно будет устроить что-то вроде кемпинга с небольшой заправочной станцией. А на ближайшую перспективу можно заняться выращиванием гречи и разведением пчел.

Саша прибыл из Москвы крайне возбужденным, стал искать, куда бы пристроить чудом скопившиеся деньги, и не нашел ничего лучше, чем покупка полуразвалившейся колхозной пилорамы.

Пока он ее восстанавливал – все смотрели на его затею скептически. Тот же Мирон при любом удобном случае повторял: «Дурак ты, Сашка. Производство тебя съест, попомни мои слова». Получилось же, как раз наоборот. Затраты, вложенные Мироном в выращивание гречи не оправдали себя. Мед из-за высокой цены раскупался плохо, к тому же разведение пчел оказалось делом очень нудным и хлопотным, требующим постоянных затрат. Поэтому на следующий год у Мирона на арендованной земле уже цвели сорняки и гулял ветер. Примерно так же было и в его карманах.

В то же самое время у брата на полную мощность заработала пилорама. Цены на распиловку леса стали подниматься уже давно, так как доски и брус мощным потоком пошли на юг России через Татарстан и спрос на них рос день ото дня. Относительно невысокая цена переработки древесины притягивала к Саше всё новых и новых клиентов. Растущая безработица сделала торговлю лесом единственным прибыльным занятием для многих в небольшом городке. И дело пошло. Сашина пилорама стала работать сначала в две, потом в три смены. Вскоре он её заменил на новую, более производительную, и стал поглядывать на Мирона свысока, как бы спрашивая: «Ну, кто оказался прав»?

Саша был по натуре очень прост и доверчив, он не всё просчитывал заранее, не выверял ни слова, ни поступки. Во всяком случае, так мне казалось. И в то же время, ему почему-то все удавалось.

После того как дела у Саши пошли в гору – завистливых людей вокруг него явно прибавилось. Среди завистников оказался и один влиятельный местный армянин, которого все называли Саркисом. Этот человек появился в Красноярске после августа 91 года, устроился на работу в милицию и как-то незаметно стал следователем. На пару с участковым инспектором Пироговым они построили в Красноярске внушительных размеров дом из красного кирпича. Вскоре в этот дом из Армении приехал к новому следователю брат Андроник. Потом племянник жены Ираклий, который устроился на работу в пожарную охрану и купил себе самый лучший особняк в центре Красноярска. К Ираклию прибыл дядя Вахтанг и кузина

Нани. И пошло – поехало. В общем, через несколько лет в Красноярске существовала уже довольно многочисленная армянская диаспора, представители которой были связаны между собой какими-то необычайно широкими и крепкими узами родства. Молодые красивые мужчины из этой большой семьи стали ходить друг к другу в гости и при этом очень модно одевались. Некоторые из них очень скоро стали претендовать на внимание самых симпатичных женщин в Красноярске. Не знаю уж каким багажом знаний обладали эти люди и где брали средства, но их гардеробы явно ломились от избытка дорогих вещей. Например, они первыми в нашем городе надели длинные черные плащи из натуральной кожи, свесили до пояса белые шерстяные шарфы. Правда, довольно скоро по городу поползли слухи, что армяне торгуют паленой водкой, только это невозможно было доказать. И прокуратура, и милиция уже были у них под контролем.

Потом в Красноярск приехали чеченцы, и постепенно взяли под свой контроль местный рынок. Через какое-то время чеченцы что-то не поделили с армянами и устроили за городом, в Солдатском лесу, кровавую разборку. Потом оттуда целый день вывозили изуродованные трупы. Жители нашего провинциального городка после этого происшествия долго пребывали в шоке и недоумении. Такого здесь не случалось никогда. Мой брат решил, что это варварство и дикость, и долго объяснял мне, почему это произошло.

– Никто из приезжих южан не хочет нормально работать, – сказал он, – никто не хочет по-человечески честно жить. Все хотят что-то продавать или чем-то руководить. Торговать или обманывать. Странное дело. Они находят у нас свою нишу, как волки в лесу... Да и мы тоже хороши. Не возмущаемся, не протестуем.

– А нужно протестовать? – удивилась я.

– Необходимо. Излишняя скромность не украшает. А излишняя терпеливость – вообще явление страшное. Она развращает преступников и разрушает государство. Когда в политике не переводятся вожди, да ещё каждый из них со своей новой идеей – от народа все ждут только терпения. Терпение же никогда не бывает бесконечным. И вообще, когда у народа есть только один выбор – смерть или терпение – народ всегда выбирает фашизм. Нужно это знать...

Брат еще что-то объяснял, а я между тем подумала: лишь бы эти люди оставили тебя в покое. Всё остальное не важно. В это время Саша сказал:

– Один из них по имени Иракий, сделал мне деловое предложение. Сказал, что если нужно – он будет набирать по городу бомжей и привозить их ко мне на пилораму, как дармовую рабочую силу. Лес пилить.

– А расчет с кем? – уточнила я.

– С ним конечно. Он для этого и приехал.

– Откажись. Тебе в таком деле посредники не нужны.

– Я отказался.

– И правильно сделал.

– Для чего мне этот пьяный сброд, если я на нем ничего не выигрываю.

Брат немного помолчал, а потом добавил:

– Лишь бы на этом всё закончилось.

– Ты чего-то боишься? – удивилась я.

– Нет, но среди нас, среди таких как я сейчас нет единства. Мы все по отдельности, сами по себе. А это скверно.

И Саша посмотрел на меня озадаченно, как бы извиняясь за что-то. В этот момент он показался мне несерьёзным мальчишкой, совершившим очередную глупость. Но я не нашлась, что ответить ему.

III

Прошло несколько дней. Наши отношения с Генрихом стали постепенно налаживаться, продвигаясь по спирали от рукопожатий к поцелуям. Я уже не думала о Вадиме, его образ постепенно удалялся от меня, превращаясь в далекую точку на горизонте.

Не буду скрывать, с Вадимом было связано много такого, что мне бы хотелось забыть, что и сейчас вызывает у меня недоумение, даже раскаянье. Как, например, та поездка на рыбалку с супругами Зелениными, когда мы (можно сказать, одной семьей) неожиданно попали на лесную речку Пижанку, и поставили там на пологом песчаном берегу две палатки ярко-оранжевого цвета, какие-то совершенно чуждые окружающей нас природе, где уже преобладали мягкие полутона увядания.

Помнится, этот день был суматошный и веселый, какой-то удивительно длинный от чередования разных дел и привыкания к новой среде обитания. Мы все вместе ловили рыбу, переходя по берегу, густо заросшему осокой, от омута к омуту, от одной манящей заводи к другой. Мне почему-то казалось, что в следующем месте клев будет лучше, рыба крупнее.

Иван Зеленин с высокого песчаного откоса со свистом закидывал спиннинг, и каждый раз при этом сам вытягивался, как струна. Его блесна ярко блестела в полете и резко шлепалась на середине реки, увлекая за собой в коричневую глубину тонкую паутину лески. После этого он начинал трещать катушкой и шагать вдоль берега, ловко маневрируя между зелёных кочек, попадая то в свет, то в тень. Под его болотными сапогами то и дело смачно чавкала грязь, он раскачивался из стороны в сторону, и было видно, под загнувшейся полкой его шляпы, слипшиеся от пота курчавые волосы.

Потом возле своего поплавка я заметила полосатого щуренка, на половину запрятанного под круглый лист лилии и долго наблюдала за ним. Он был нарочито неподвижен, притворно – равнодушен пока рядом не появился зазевавшийся малек. Когда серебристая рыбешка подплыла достаточно близко, последовал бросок, и обе рыбки исчезли из вида.

После обеда ко мне подошла жена Ивана – живая темноволосая женщина с нестареющим, всегда улыбающимся лицом. Она сказала, что нашла совсем рядом спелую бруснику. Надо бы туда сходить, а то ей одной страшновато. И хотя у меня не было настроения идти в лес, я не смогла отказаться, пошла.

Мы поднялись по широкому склону, заросшему тонкоствольным сосновым молодняком на сухую гриву, залитую солнцем, потом спустились в пасмурную низину, где резко запахло багульником. Наши ноги стали по щиколотку утопать в зелёном и влажном мху. На нашем пути попадались то огромные еловые выворотни, с пугающе раскоряченными корнями, то влажные полусгнившие валежины, наполовину заросшие мелкими грибами. Попадались нам и чахлые кочки в глянцевиных метелках брусничника. Но ягод на них не было видно. Только всполохи света в прорехах между деревьями, да густая еловая тень. Ольга уверяла, что ягоды где-то тут. Вскоре мы повернули направо, прошли мимо старых пней к лесным посадкам на небольшом бугорке. За этим бугорком была ещё одна низина, похожая на болото и напоминающая своей формой плоское блюдо. По краям этого болота действительно оказалось много ядерного брусничника. Кое-где его глянцевиные густые заросли были красны от ягод. Вот только брать их оказалось делом непростым. Как только мы наклонились к ягодам, нас тут же облепили комары и стали досаждать болезненными уколами в лицо и руки. Из-за них довольно скоро сбор ягод превратился в добровольное самоистязание, где отдыхом и не пахнет. Иногда я поднимала голову от ягод и с сожалением смотрела в ту сторону, где должен был располагаться наш бивак. В один из таких моментов я вдруг увидела за коричневыми стволами деревьев фигуру незнакомца. Он сутуло стоял возле ствола молоденькой липы и смотрел в нашу сторону. На нем был песочного цвета плащ, на голове серая шляпа, на ногах болотные сапоги. Я инстинктивно

испугалась этой встречи, как будто это был вовсе не человек, а некий диковинный зверь. Испугалась, но почему-то не смогла произнести ни слова. Только стояла и смотрела в его сторону. Прошло несколько секунд, и фигура человека исчезла. А может быть её и не было вовсе.

К своему лесному лагерю мы вернулись уже в сумерках, искусанные комарами и злые от усталости. Причем приторно кислые ягоды, добытые с таким трудом, никто кроме нас не ел, и никто не сказал нам спасибо. Вадим раздавил на языке несколько самых красных брусничин и сделал страдальческое лицо. «Какая гадость!» Иван даже не притронулся к ним.

Перед ухой мы выпили клюквенного ликера. Ольга сделала вид, что опьянела, защебетала мне на ухо что-то интимное, надеясь разжечь во мне желание грехопадения. Мне это показалось смешным, я хихикнула в кулак, растянув щеки в глупой улыбке. Мужчины многозначительно посмотрели на нас, переглянулись и ушли куда-то. Вернулись с бутылкой водки, довольные как удачливые охотники. Я увидела их лица в оранжевых бликах от костра, и подумала, что когда-то нечто подобное уже случалось со мной. Принесённую бутылку принялась отнимать Ольга. Она весело кричала и каталась вместе с мужчинами по холодному песку. И это, кажется, тоже было в моей жизни. Ольга долго не унималась: то грозилась мужчинам пальцем и хмурила брови, то со смехом кидалась на них как львица, то уговаривала отдать бутылку похорошему. Вадима она немного (как бы для приличия) стеснялась, а на Ивана нападала, как кошка на мышь. Валила его на песок, мутузила, тормошила. Он неумело отбрыкивался...

Кончилось тем, что кто-то из них нечаянно пролил уху. Задел ногой тонкую рогатину – та повалилась на бок, и ведро с ухой медленно съехало прямо в костер. Побелевшая рыба вывалилась на песок жалкой бесформенной кучкой и уже не возбуждала аппетита. Все сразу почувствовали себя виноватыми... И так, кажется, тоже было, решила я про себя.

– Ну вот, добилась своего, – протянул сокрушенно Иван.

– Доигралась, – виновато пролепетала Ольга, и, наклонившись к рыбе, часто дыша, стала неумело собирать её в блюдо из под картошки. – Я её вымою. Все будет хорошо.

– Вымоешь, – укоризненно передразнил её Иван. – Всё равно будет на зубах скрипеть. Лучше налей нам с Вадимом по сто грамм.

Только теперь я заметила, что бутылка у Ольги. Всё – таки она своей добычи не упустила.

После того как содержимое бутылки заметно убавилось, осоловевший Вадим стал чересчур подвижен. Ему то хотелось что-нибудь спеть, то рассказать какую-то очень занимательную историю, то показать замысловатый фокус. По его глазам было видно, что ему уже нравится и это обжитое место на берегу реки, и сосны на бугре, и густые непроглядные заросли за нашими спинами. В нем вдруг проснулась дремавшая где-то романтичность. В минуты затишья он стал закидывать голову вверх, смотрел в небо и повторял: «Звезд-то сколько, сколько звезд. С ума сойти!» И после этого, как бы издалека, из своих душевных потемок, смотрел вокруг влажными от неожиданной чувственности глазами. На этот раз его беспричинная чувственность казалась мне странной.

Так у костра мы просидели до полуночи. Потом супруги Зеленины ушли в свою палатку и долго обустроивались там, переговариваясь между собой вполголоса. Без них мне сразу стало грустно. Костер затухал, разговор не клеился и Вадим решил, что настала пора действовать. Придвинулся поближе ко мне, несмело обнял за талию и заговорческим тоном проговорил:

– Пойдем спать.

Тон его голоса мне не понравился. Он сказал это так, как будто я была его женой. Я ответила отказом:

– Нет... Ты спи, а я ещё посижу тут.

– Ты меня боишься? – удивился он.

– С чего ты взял?

– Ну, тогда я пойду один.

Он встал и направился к палатке своей не совсем уверенной походкой, у палатки оглянулся и, кажется, подмигнул мне. У меня мурашки пробежали по коже. После этого я решила, что просижу всю ночь у костра на берегу.

Не могу сказать, действительно ли я боялась его в тот момент, или мне было неприятно видеть его пьяного, не знаю. Только после его ухода я просидела у догорающего костра очень долго, втайне надеясь, что Вадим уснет, и я незаметно проберусь в палатку, чтобы вздремнуть пару часов до рассвета. Светила полная луна, слоистый туман поднимался из низины все выше и выше. Мне стало холодно, я подтянула колени к животу, охватила их руками и стала смотреть на воду, которая в ночи казалась неподвижной и тёмной, окаймленной зеркальными гранями на песчаных отмелях. Вода казалась густой и вязкой, как мед и как мед золотистой. Только иногда неожиданные всплески где-то вдаль возвращали ей утраченную подвижность, да расходящиеся круги осторожно покачивали отражения ночных деревьев. В такие минуты мне было очень хорошо. Мне казалось, что я впервые вижу всё это и должна запомнить увиденное на всю жизнь, потому что такое может не повториться. Это существует сейчас только для меня. Я в центре Вселенной...

На место будущего ночлега я пробиралась чуть дыша. В палатке, не раздеваясь легла на спину, нащупала сбоку возле себя что-то мягкое и, подложив его под голову, облегченно вздохнула. Всё хорошо... И тут же вынуждена была вскрикнуть от неожиданности. Немая и холодная рука Вадима ползла по моему бедру влажным удавом. Он часто и отрывисто дышал у меня за спиной, но при этом совсем не двигался, только рука его жила. И это показалось мне настолько отвратительным, настолько обидным и неловким, что я пробкой вылетела из палатки, плюхнулась возле костра и уже до утра не смогла уснуть.

Но были в наших отношениях с Вадимом и другие более приятные события. Были вечера пронизанные солнцем, приятно опьяненные первыми поцелуями, где бархатные листья пырея шуршат под ногами, свежий ветер дует с реки. Когда, мы сидели где-нибудь на старой, опрокинутой кверху дном лодке и разговаривали вполголоса. Моя рука была в его руке и ощущала там уютное тепло. И справа и слева от нас ворохами лежало солнце, южный ветер лениво полизывал листья репейника, пугая слюдяных мух, пахло полынью. Тогда мы с Вадимом по-детски самоотверженно любили друг друга. Эта любовь была бескорыстной и целомудренной, и всё в ней было ясно. Потом счастье любви разрушилось из-за потребности Вадима все испытать. Из предчувствия оно превратилось в чувство, оформленное в конкретные действия и звуки. Лишившись прелюдии, оно стало таким пугающе конкретным, таким неловким, так заранее обусловленным, что потеряло всё свое очарование. И чем дальше продолжалась жизнь, чем серьезнее делались его намерения, тем всё реже улыбалось мне счастье, тем мимолетнее стала эта улыбка.

Генрих внес в мою жизнь новый беспорядок. Цветной узор этого беспорядка меня на какое-то время очаровал. Я снова переживала с ним волнующую стадию сближения, открывала в нем новые качества мужской души. Он (в отличие от Вадима) не любил бродить без дела по вечерним улицам нашего городка, его это быстро утомляло. Он предпочитал затащить меня в кафе или ресторан и занимать там разговорами на разные отвлеченные темы. Окружающие нас в этих заведениях люди, узнавали его, многие подходили и здоровались, спрашивали о чем-то, стреляли на меня глазами. Мне это льстило. Только вскоре стало понятно, что я у Генриха не первая, что до меня у него уже были женщины, которых он вот так же приводил сюда. Вполне возможно, что я даже не самая лучшая из них.

Зато как прекрасно Генрих со мной танцевал, с какой легкостью и умением выписывал по залу широкие круги, и как уверенно при этом держался. Я бы даже сказала, что он танцевал с вдохновением. Он был уверен, что делает это лучше всех. К тому же, танцуя, он мной руководил, и я с удовольствием ему подчинялась, пыталась быть примерной ученицей. Обычно, когда

звучал вальс, мужчины терялись и смущенно отступали к своим столам, к своим располневшим дамам. На танцевальный круг выходили только самые опытные женщины, причем чаще всего легкие и парящие, знающие себе цену. И вместе с этими женщинами начинали кружиться мы. Вокруг мелькали нарядные столы, светильники на стенах, неясные силуэты. Потом это всё превращалось в единый поток, в приятную мешанину музыки и света, разделенную чередой шагов на томительно сладкие такты.

Позднее я заметила, что Генриху удается абсолютно всё. Что он не только прекрасно танцует, он ещё хорошо поет и умело аккомпанирует себе на гитаре. А когда подмечает что-то особенное в природе – то всегда вспоминает про Левитана и Васильева, которые тоже умели удивлять. Он всегда при этом повторяет, что у них были поэтические натуры.

Помнится, однажды вечером в кафе, где мы находились, зашел мой брат Саша. Его, как всегда в таких случаях, сопровождал изрядно подвыпивший Мирон Зорин. Они сели за столик в противоположном от нас конце зала, что-то заказали и стали живо беседовать, кивая друг другу головами. Я украдкой наблюдала за ними, испытывая непреодолимую тягу подойти к ним и поздороваться. Потом к их столику, кажется, подсел кто-то еще, а может, мне так показалось, потому что между нашим столиком и столиком Саши появилась танцующая толпа. Она всё заслонила, и Сашу, и музыкантов, и даже живую стану из цветов, которая отделяла просторный зал от кухни. Вечер был в разгаре, народ всё прибывал. Топот танцующих ног стал гулом, и вспышки музыки в этом гуле уже тонули, как тонут яркие вечерние лучи за чередой лохматых облаков.

И вдруг всё стихло. Толпа танцующих замерла. Из-за двух соседних, столиков поднялись здешние завсегдатаи – лица с характерным кавказским профилем и, что-то шумно объясняя друг другу, стали продвигаться к узкому проходу между столами. Я встала вслед за ними, но с места не сдвинулась. Мне показалось, что в противоположном конце зала идет потасовка. Там что-то упало и разбилось. Потом раздался короткий возглас: «Ах!» – и мне на секунду показалось, что это был голос Саши. Я испуганно посмотрела на Генриха, он почти с тем же испугом – на меня. Лицо у него побледнело.

– Кажется... Кажется это Саша разодрался с кем-то из южан, – пролепетала я.

– Из-за чего? – не понял Генрих.

– Не знаю, – ответила я, а сама подумала, что вероятнее всего из-за Мирона, он всегда лезет на рожон.

Потом в толпе дерущихся кто-то громко вскрикнул от боли. Я снова испуганно посмотрела на Генриха. Мне показалось, что он уже готов броситься Саше на помощь, так резко у него обозначились ноздри и заходили желваки. Но он всё медлил. В какой-то момент это стало меня раздражать, даже злить.

– Я боюсь, что его убьют, – прошептала я, готовясь расплакаться. – Помоги ему, пожалуйста...

Несколько секунд после этого Генрих смотрел на меня раздосадовано. Потом сказал, как выстрелил: «Сейчас», – и вихрем сорвался с места. Я вскочила на стул, чтобы видеть дерущихся. С бьющимся сердцем заметила, как Генрих врзался в тёмную гущу кричащих и размахивающих кулаками южан, как сходу смял кого-то, кому-то поддал, и тот по-птичьи взмахнув руками, упал, подминая под себя зазевавшегося музыканта. Потом на Генриха надели два дюжих с виду кавказца. Но Генрих легко перекинул одного из них через себя, другого ударил локтем в живот и отбросил далеко в сторону. Отброшенный рухнул как подкошенный. Последовала серия точных и мощных ударов, пинков с разворота, резких взмахов ребром ладони – и всё закончилось. Он замер в центре ошеломленной толпы в угрожающей позе, с поднятыми вверх и согнутыми в локтях руками.

– Ну, кто ещё?

Толпа испуганно замолчала. Он взял Сашу за руку, и они направились к выходу. Я ощутила на своих щеках слезы благодарности. Мой Генрих молодец! Он поступил как настоящий мужчина.

Когда через несколько минут мы все вместе уже шагали к автобусной остановке. Я с тайной гордостью смотрела на Генриха и крепко сжимала его теплую тяжелую руку. Всё – таки он человек особенный, он умеет постоять за себя. Пожалуй, за ним, как за каменной стеной. Это правда. А Саша, Саша вечно куда-то ввязывается, создавая себе новые проблемы. Хотя, это на Сашу похоже.

Потом оказалось, что Саша затеял драку сам. А причиной стало то, что кто-то при нем назвал Сонину мать неприличным словом. Этого я от него не ожидала. Раньше он сам её не жаловал.

В тот вечер мы с Генрихом много целовались. Особенно усердно я покрывала поцелуями то место у него на лице, где уже проявлялся небольшой синяк. Генрих проводил меня до дома. Ночь была удивительно тихая, теплая, до краев залитая серебристым сиянием.

Проходя по знакомой улице, я снова отметила для себя, что в Сашиной квартире темно, а в доме у Венгеровых – свет. В прошлый раз, когда я встретила его с Соней, было наоборот. У меня создалось впечатление, будто они (Саша и Соня) ночуют вместе, то там, то тут. Они больше не гуляют до утра, отдавая дань призрачному целомудрию.

IV

Весь следующий день я провела в каком-то странном беспокойстве за брата. Его нынешнее положение казалось мне угрожающим. Появились разговоры о каких-то заезжих рэкетирах, о московской проститутке, которая сопровождает их всюду и отличается особой жестокостью при выколачивании денег. Мне казалось, что он живет в каком-то незнакомом и опасном мире. У него все не так, как у других. Он одинок и с головой погружен в свои финансовые проблемы. И все же, я не могла понять, с какой целью он меня обманывает? Он тайно встречается с Соней, и говорит мне, будто она уехала в деревню к бабушке. Даже если их отношения стали другими и ему очень хочется это скрыть, то вовсе не обязательно так откровенно водить меня за нос. В конце концов, я попыталась бы понять его... Я его уже понимаю.

В тот вечер я ушла из дома, как только стало смеркаться. Прошла по Советской улице до заправочной станции, от неё повернула направо и через заросший крапивой пустырь, минуя мост и овраг, подошла к дому Венгеровых. Нагибаясь, протиснулась сквозь заросли сиреней возле покосившегося забора и оказалась в небольшом скверике, с одиноко белеющей песочницей в центре. Невдалеке от песочницы была врыта в землю скамья, рядом ещё одна – дальше колючие заросли роз, а за этими зарослями – гравийная дорожка, тускло блестящая при лунном свете. Мне захотелось устроиться где-нибудь среди этих зарослей, но так, чтобы для постороннего взгляда я была незаметной.

В конце концов, я не придумала ничего лучше, как разместиться под раскидистым американским кленом на тёмном от времени пне. Зато моя спина сразу почувствовала опору. И вскоре я оценила, как это важно. Ибо ждать пришлось долго.

Примерно через полчаса этот наблюдательный пункт показался мне очень удобным и даже уютным. Свисающие сверху листовенные пряди плотно закрывали меня сзади и сбоку. Только спереди, в нужном мне направлении были видны редкие стволы растений, сквозь которые хорошо просматривался весь двор перед домом Венгеровых.

Между тем сумерки сгустились. Уже начали гаснуть окна в домах напротив, уже затих на дороге по соседству шум машин, перестали хлопать двери. Уже совершенно растаял в мутном небе поздний летний закат, исчезли красноватые всполохи на востоке. Горластые мальчишки убежали куда-то, забыв у стены кирпичного склада велосипед, у песочницы – мяч.

Немного погодя, в темноте, кто-то вышел из соседнего дома и увел велосипед, сверкнувший на повороте никелированными спицами. Потом откуда-то возникла музыка, стала приближаться. Кажется, пела Татьяна Буланова. Потом песня оборвалась, и тишина стала ватной. В ней как будто чего-то не хватало.

Мягко заработала где-то за гаражами машина. Потом перестала работать, немного погодя снова заурчала. Включились фары, но яркий свет от них не вырос и не пополз вдоль дороги, как обычно, а вытянулся вдоль живой изгороди и потух.

Снова скрипнули двери. Из дома Венгеровых кто-то вышел. Шаги стали приближаться и одновременно с ними поднимались, росли, приближаясь два силуэта, очерченные слабым сиянием. Неизвестные люди прошли совсем рядом. Неужели они опять исчезнут? – успела подумать я, и в это время увидела, как они садятся на скамью за песочницей. Туда пробивался рассеянный луч света от уличного фонаря, но хорошо я различила только брата, женщина была на половину в тени. Слава Богу, решила я. Отсюда, по крайней мере, я услышу, о чем они говорят.

Я стала прислушиваться, но ничего из их разговора толком не смогла понять. Помню только, что хриловатый голос Сони меня в какой-то момент насторожил. Потом они перестали говорить и порывисто обнялись. Он повернул её лицом к себе и поцеловал. Сказал что-

то. Она ответила. И в этот момент голос женщины показался мне знакомым. Это был не Сонин голос.

И тут Саша проговорил довольно отчетливо:

– Как я Соне это всё объясню. Если бы сейчас...

Дальше я не смогла разобрать.

– Ничего не надо бояться, – решительным голосом ответила женщина. Я сразу вспомнила, что не так давно уже слышала этот голос. Так говорит Сониная мама. Да – да, пышные волосы, полные стройные ноги, – это её мать, несомненно. Как же я раньше об этом не догадалась? Это открытие повергло меня в шок. Какая мерзость, отбить у дочери жениха. И для чего? Чтобы встречаться с ним тайно, любить из последних сил, цепляться за похотливую страсть... А потом? Что будет потом? Ведь у них разница в возрасте лет двадцать или даже больше.

И тут до меня вновь долетели новые обрывки слов.

– А если она приедет... неожиданно? – сказал Саша.

– Не приедет, ей надо еще кое-что понять...

– Это её убьет.

– Успокойся... Ко всему люди привыкают. И...

Я снова не расслышала последние слова Сониной мамы. Это меня раззадорило. Я встала и начала пробираться к ним ближе, ступая осторожно как кошка, изгибаясь между стволами сиреней, обходя клены. Какая-то веточка едва слышно хрустнула у меня под ногой. Я испуганно вытянула шею и замерла, стоя на одной ноге, схватившись рукой за какой-то влажный побег с мягкими мясистыми листьями. Потом опустила вторую ногу на землю и расслабленно присела на корточки. Теперь я была к ним достаточно близко.

– Не вини себя, – донесся до меня отчетливый голос Людмилы. – Не вини. Это я во всем виновата, – проговорила она, уткнувши лоб в его плечо.

– Нет, я, – не унимался Саша.

– Мне всегда говорили, что у неё плохое сердце. Врожденный порок, – продолжила Людмила. – У каких только врачей мы не консультировались. Все утверждали, что она проживет, самое большее, лет до тринадцати... Вот я и настроила себя на жалость. Я боялась полюбить её по-настоящему. Боялась к ней привыкнуть. Я твердила себе, что обязана сделать её счастливой в детстве, потому что юности у неё не будет, зрелости тоже. И я старалась... я. Ведь ты помнишь, как она одевалась в школе. Какой приходила на вечера, на праздники. Как принцесса...

– Но сейчас?

– После школы она никуда не поступила, хотя училась прекрасно. Её ничего не интересовало, а я не принуждала её к выбору, считала, что это ей ни к чему.

– А почему вы скрывали это от меня?

– Я же говорила, что хотела сделать её счастливой. А какое счастье без любви... Извини Саша, не ты был самой важной фигурой в моей игре. Так уж получилось. Если бы ты сразу узнал, что стоит за её постоянной бледностью, грустными глазами и этой странной худобой – ты бы навсегда лишился любовной романтики. Ведь так? Любви без таинственного не бывает.

– Мне кажется, я всё ещё люблю её.

– Я понимаю, но это пройдет.

– Я боюсь...

– Ты будешь любить её как дочь.

– Я не смогу.

– Тогда она посвятит себя Богу, – категорично заявила Людмила.

– Не понимаю, – проговорил Саша озадаченно.

– Ну, уйдет в монастырь. Сейчас это модно. Она девочка странная. Всегда была странной и осталась такой. Она очень легко поддается внушению... Все подумают, что так и должно было случиться.

Саша замахал руками, протестуя. Людмила поймала его ладонь и продолжила ещё более громко и решительно:

– Я не хочу делить тебя ни с кем... А Соня, ты же знаешь, она ни к чему настоящему не способна. Хотя она моя дочь. Она...

После этих слов Людмила заплакала как-то некрасиво и чересчур громко. Но быстро успокоилась.

– Я десять лет прожила одна. Понимаешь. Я знаю, что такое смирение. Я готова была сносить оскорбления, лишь бы было за что. Понимаешь. Хороший человек в нашем городе – это редкость... Что ты так на меня глядишь?

– Но почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.